

Дело — табак, или как караимы из Кременчуга королями папирос стали

Табак фабрики Дурунча

Табак в России долгое время считался «богомерзким зельем». Как свидетельствуют иностранные путешественники, побывавшие в Москве в середине XVII века, обвиняемому в нюхании табака вырывали ноздри. Легализовал это заграничное зелье лишь Петр I, причем, согласно его указу от 1697 года, табачный дым разрешалось вдыхать и выдыхать только через курительные трубки.

Интересно, что до начала XIX века нюхательный табак в России предпочитали традиционному куреву. К 1812 году в столице империи было всего шесть мастерских, работавших на привозном сырье и производивших крошечный табак для курения. Трубка и сигара постепенно все-таки вошли в аристократический быт, но были страшно далеки от народа. Так

продолжалось до середины XIX века, когда массовое производство папирос произвело настоящую никотиновую революцию. Как и в других революциях, повинны в этом... нет, не евреи — по мнению антисемитов, они лишь спаивали русский народ, а вот на курево его подсадили... караимы. Причем, если можно так выразиться, украинского происхождения.

В 1842 году в Кременчуге, на Биржевой улице, была основана крупнейшая в России табачная фабрика купца первой гильдии Дурунча. Годовой оборот фабрики составлял 400 тыс. рублей. Для сравнения: приличный дом стоил несколько сот рублей. Фабрики этой большой караимской семьи были также в Киеве, Вильнюсе и Мелитополе, а фирменные магазины, кроме крупнейших городов империи, открылись в Париже и Берлине.

Реклама фабрики Когена

Как свидетельствует краевед Барух Бавли, караимы начали обживать Кременчуг в 1840-х годах, и именно они стали пионерами табачной промышленности. Уездный Кременчуг в то время превосходил губернскую Полтаву во всех отношениях — здесь было множество промышленных предприятий, крупный транспортный узел, да и по численности населения город обогнал столицу губернии. Караимов было немного — 205 человек по состоянию на 1871 год, но они чувствовали себя отдельной общиной (первая кенасса открылась в 1852 году) и пользовались влиянием.

Так уж сложилось, что в конце XIX века три крупнейших табачных фабрики Российской империи принадлежали караимам — выходцу из Евпатории Соломону Когену, его родному брату Моисею, а также Исааку Дурунча и Мордехаю Шишману (сестра которого — Эстер — была женой Соломона Когена).

Приехавший в Киев из Крыма Коген, был, как сказали бы сегодня, талантливым маркетологом. Он быстро создал имидж «папироски» как современного и продвинутого продукта в противовес патриархальной, провинциальной и мещанской «понюшки табаку». Не удивительно, что к концу столетия киевляне дымили как паровозы — сигарета стала образом жизни.

Впрочем, толк в маркетинге знала и семья Дурунча. Сохранилась история о том, как молодая жена сына Садука Дурунча — Амалия Львовна — стала живой рекламой папирос свекра, сделав курение модным среди молодых женщин своего круга. Правда, когда врач открыл семье все последствия курения для женского организма, было принято решение о выпуске сигарет с минимальным содержанием никотина. Стоили они недешево и продавались в фирменных жестяных коробках, где была изображена восточная красавица, по словам очевидцев, как две капли воды, похожая на Амалию Львовну.

Коген тем временем продолжал наращивать обороты — в 1887 году по размеру чистого дохода он оказался восьмым среди киевских предпринимателей, опередив «сахарных королей» — Бродского, Терещенко, Зайцева и других.

Соломон был не чужд благотворительности, учредив в родной Евпатории ремесленное училище на 40 учеников, пожертвовав 150 тысяч рублей школе для караимских девушек и, наконец, профинансировав возведение караимской кенассы в центре Киева по проекту знаменитого Владислава Городецкого.

После смерти Соломона Когена брат и племянник продолжили его дело, к 1913 году предприятия семьи ежедневно изготавливали 2 млн сигарет, и на одном только Крещатике компании принадлежало четыре фирменных магазина.

Закат, впрочем, был не за горами — большевики не только конфисковали у Когенов всю собственность (их бывшая киевская фабрика до сих пор производит сигареты и принадлежит сегодня Imperial Tobacco), но и разрушили караимское кладбище на Зверинце, где был похоронен Соломон, и отобрали у киевских караимов кенассу, построенную на средства табачного магната.

Караимская кенасса, Киев

В Кременчуге неизбежный конец оттянули рабочие, так ценившие владельца фабрики — Илью Дурунча, что защитили его дом и имущество от большевистских погромов и экспроприаций. Надолго ли — другой вопрос.

Примечательно, что судьбы кременчугских и киевских караимов снова переплелись уже в 1930-е, когда в здании киевской кенассы, превращенной новой властью в Дом народов Востока, размещалась еврейская капелла «Евоканс», созданная уроженцем Кременчуга Ехошуа Павловичем Шейниным — об этом тоже упоминает исследователь истории караимской общины Барух

Бавли.

Эти заигрывания с национальными меньшинствами быстро сошли на нет. Память о Когенах практически стерли, но не менее печально сложились и судьбы потомков клана Дурунча. Речь идет об очень разных людях — кто-то работал в шахте, а кто-то стал белым офицером, но практически все они полностью ассимилировались и ушли от традиций предков. В Киеве на сегодняшний день около 150 караимов, примерно 700 человек проживают в Крыму, что касается Кременчуга, то в городе осталось буквально несколько человек, идентифицирующих себя с этим народом.

В этом здании была лавка Дурунча, Кременчуг

Как и в Киеве, караимское кладбище в Кременчуге (впрочем, как и еврейское, и старообрядческое) было разрушено при Советах, хотя отдельные караимские памятники до середины 1970-х еще можно было обнаружить в районе артиллерийских складов. Сегодня ничто не напоминает о существовании общины, разве что Кременчугская табачная фабрика, находящаяся на той же улице, что в свое время караимское общество, да старый двухэтажный дом, где была табачная лавка Садука Дурунчи, — в самом центре города — сохранился до наших дней — теперь там безликие офисы.

Мила Бабилуа